

НАТАЛИЯ ЮРЬЕВНА ГРЯКАЛОВА

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
natura3@yandex.ru

АЛЛЕГОРИЯ ПОВЕСТВОВАНИЯ (ОБ ОДНОМ ИКОНОГРАФИЧЕСКОМ МОТИВЕ В ПОВЕСТИ И. А. БУНИНА «СУХОДОЛ»)

На примере трансформации иконографического мотива рассмотрена одна из форм репрезентации визуального в структуре художественного повествования. Икона св. мученика Меркурия Смоленского является визуально-смысловой доминантой повести И. А. Бунина «Суходол». На первый план в бунинской версии реализма выдвигается интегрирующая способность памяти, что детерминирует нелинейность повествования и его импрессионистическую фрагментарность. Искусство памяти/воспоминания (*ars memoria*) приобретает концептуальный статус и выступает как стратегия зрения/письма.

Ключевые слова: повествование, память, экфрасис, иконичность, визуальность

Проблема корреляции/интерференции между словесными и визуальными практиками, визуальная поэтика, как и «феноменология взгляда» в целом, на протяжении последнего десятилетия активно вовлечены в научную рефлексию представителями разных гуманитарных дисциплин – культурологами, литературоведами, философами, киноведами, семиотиками. Избирая в указанной парадигме историко-литературный ракурс исследования, мы рассмотрим одну из форм репрезентации визуального, что поможет уяснить смысл определенных литературных стратегий в общей перспективе литературного развития. Каким образом новый «опыт зрения» конфигурирует новые смыслы? Какие трансформации претерпевает визуальный артефакт в фикциональном поле? Как они соотношены с авторской литературной стратегией и внутренними векторами культурного развития? Вот тот круг вопросов, на которые мы попытаемся ответить, обратившись к повести И. А. Бунина «Суходол» (1911).

Исследователи творчества Бунина уже отмечали синтезирующую роль памяти в его произведениях и, как следствие, тот факт, что «своеобразие бунинского повествования... зачастую вырастает из вспоминающе-визуализирующего взгляда повествователя» [18]. Как правило, такого рода выводы делаются на основе анализа поздней автобиографической прозы Бунина, где «поэтика воспоминания» предстает *sui generis* [1]. Однако уже к началу 1910-х годов творческое сознание писателя откликнулось на характерные для эпохи изменения в восприятии времени, понимаемом теперь как внутренняя протяженность (бергсоновская *durée intérieure*). «Такое понимание времени и соответствующего типа восприятия значительно повышает художественный статус интегрирующей деятельности творческо-

го сознания, конструирующего из разрозненных во времени моментальных впечатлений целостную картину мира» [21; 122]. На этом фоне усиливается значение интегрирующей способности памяти – личной, исторической, культурной, творческой. Она и выдвигается на первый план в бунинской версии реализма, ставящей под сомнение линейность повествования и реагирующей на различные формы импрессионизма.

Повествовательная структура «Суходола» нелинейна и достаточно прихотлива. Первая же фраза (она выделена в абзац) – «В Наталье всегда поражала нас ее привязанность к Суходолу» – определяет перспективу повествования. Во-первых, это повествование от первого лица (последнего потомка рода Хрущевых), но множественного числа, что эксплицирует стоящее за повествователем множество. Во-вторых, сразу же вводится действующее лицо, являющееся к тому же косвенным субъектом будущего повествования, его «хронистом», – Наталья, «участница и свидетельница всей этой жизни, главная сказительница ее» (222)¹, то есть создается предпосылка двойной фокализации. В-третьих, объект описания – Суходол, родовое поместье помещиков Хрущевых, – топос, уже семантизированный сильной позицией заглавия, исходя из указанных выше характеристик, предстает как *locus natus* и *locus memorativus*.

То, что повесть автобиографична, а ее персонажи прототипичны, известно по дневникам самого писателя и по мемуарным источникам [15], [19]. Это придает бунинскому мифу о дворянском оскудении личностно-экзистенциальный смысл, а прием ретроспекции, направленный на воссоздание в памяти картин прошлого, становится основой визуального письма: например, описательный фрагмент в начале гл. II вводится фразой «Помню так, точно вчера это было».

На роль визуально-смысловой доминанты, репрезентанта родовой и исторической памяти претендует икона св. мученика Меркурия Смоленского. Заметим, что в репрезентативных исследованиях, посвященных иконе и иконичности [6], [8], так же как и «религиозному экфрасису» [7], [11], анализ данного иконографического сюжета отсутствует.

Описание или упоминание данной иконы в разных повествовательных регистрах встречается в повести четыре раза. Сначала она – в поле зрения повествователя, затем дана «глазами Натальи» при имперсональном повествовании, затем присутствует как визуализация воспоминаний нарратора и, наконец, превращается в троп. Дескриптивная функция описания иконы (экфрасис) явно подчинена нарративной. Очевидно, что для повествователя изображенное (визуальное) неотрывно от сопровождающего его легендарного нарратива. «В углу лакейской чернел большой образ святого Меркурия Смоленского, того, чьи железные сандалии и шлем хранятся на солее в древнем соборе Смоленска. Мы слышали: был Меркурий муж знатный, призванный к спасению от татар Смоленского края гласом иконы Божьей Матери Одигитрии Путеводительницы. Разбив татар, святой уснул и был обезглавлен врагами. Тогда, взяв свою голову в руки, пришел он к городским воротам, дабы поведать бывшее... И жутко было глядеть на суздальское изображение безглавого человека, держащего в одной руке мертвенно-синеватую голову в шлеме, а в другой икону Путеводительницы...» (221).

«Слово о святом Меркурии Смоленском» (XVI век) помещено в Великие Миней Четьи – источник, хорошо знакомый Бунину, под 24 ноября. Заметим, что кульминационное событие суходольской хроники – смерть старшего в роде, деда Петра Кирилловича, – приходится на престольный праздник Покрова Богородицы, 1 ноября.

Сюжет о Меркурии Смоленском относится к мировым сюжетам о святых-кефалофорах – главноносцах. В русской иконописной традиции он не получил широкого распространения, и подобно тому, как текст Слова испытал влияние переводных житий о Меркурии Кесарийском, Василии Великом, Дионисии Ареопагите [13], так и в иконописании ощутила контaminaция с традицией изображения кефалофоров (св. Иоанна Предтечи, св. великомучеников Дионисия Ареопагита, Георгия, Дмитрия Солунского): облик святого невредим, усеченную же голову он держит в руках как знак мученичества. С течением времени распространился другой канон изображения воинов-мучеников – указание раны или следа на шее от усекновения. Иконография Меркурия Смоленского и культ святого, локализованный в областях, завоеванных Литвой, а затем Польшей, отмечен также отдельными западноевропейскими

чертами как в генеалогии – он потомок княжеского рода, происходящего из Моравии, так и в рыцарской атрибутике и типе реликвий. И в настоящее время железные сандалии святого – реликвия Успенского кафедрального собора Смоленска, святым покровителем которого Меркурий является. Заметим, что в 1891 году Бунин побывал в Смоленске и о существовании реликвий мог знать де факто, а не только из книжных источников. Устные же легенды о св. Меркурии записывались в Смоленской губернии еще в XIX веке [5; 379]. Приведем краткое изложение сюжета легендарной повести по Г. П. Федотову: «В Смоленске, неизвестно с какого времени, чтился св. Меркурий. Сохранившиеся, начиная с XVI века, списки жития его в двух отличных редакциях изображают святого спасителем города от татар во время Батыева нашествия. Во время осады Смоленска Батыем Божия Матерь является в храме пономарю и посылает его искать живущего в городе благочестивого воина Меркурия “родом римлянина”. Меркурий выходит (или выезжает на коне) из стен города и разбивает на голову врагов. По одной версии он убивает исполина, особенно страшного среди татар. Но Богородица обещала ему мученический венец. Поэтому явившийся ангел (или сын убитого исполина) отсекает ему голову. Меркурий берет свою голову в руки и возвращается в город, где рассказывает о своей победе (“проглатывала главою своею отсеченною”) и умирает. Он похоронен в церкви Богородицы, и над гробом повешено его славное оружие» [20; 148]².

Св. Меркурий – не мученик за веру. Он благочестивый воин, покорный Божьей воле. Он принимает смерть во исполнение слов Христа, призывавшего верующих жертвовать своею душою во имя ближних: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Евангелие от Иоанна, 15: 13). Богоматерь избирает Меркурия для спасения города от вражеских полчищ. Подобно ему бунинская Наталья несет мученический венец своей судьбы во имя преданности Суходолу и его хозяевам. Однако подобная проекция (мотив личной жертвы) – лишь верхний пласт символических корреляций в фикциональном пространстве текста. Писатель делает акцент на другом смысловом компоненте, латентно присутствующем в тексте легенды, – на оплаченной жизнью миссии *личного свидетельства*. «Когда случилось нам отдыхать от городов в тихой и нищей глуши Суходола, снова и снова рассказывала Наталья повесть своей погибшей жизни. И порою глаза ее темнели, останавливались, голос переходил в строгий, ладный полусшепот. И все вспоминался мне грубый образ святого, висевший в углу лакейской старого нашего дома. Обезглавленный, пришел святой к согражданам, на руках принес свою мертвую голову – во свидетельство своего повествования...» (265).

Так образ святого мученика превращается в *аллегория повествования*, которое, в свою очередь, предполагает инстанцию хрониста – очевидца событий, фиксирующего не только славные деяния рода (Gesta), но и его, если угодно, профанную память (Vita). «Повествование о прошлом», каким является суходольская хроника Натальи, это меморат, фольклорный рассказ о событиях, воспринимающийся как достоверный и основанный на собственных воспоминаниях рассказчика или воспоминаниях людей из его окружения. Он подобен преданиям и легендам, как «Слово о святом Меркурии Смоленском», как те мемораты, которые инкорпорированы во многие рассказы самого Бунина, например «Святые» (1914), «Аглая» (1916) и др. Предметом специального интереса писателя являются характерные мнемонические приемы (аллитерация, формулы, рефрены), которые придают повествованию необходимую структуру, упрощая устное воспроизведение (в этом отношении весьма характерен рассказ «Святые»).

Противопоставляя память как актуальный феномен, переживаемую связь вечного с настоящим и историю как репрезентацию прошлого, французский историк П. Нора обращает внимание на следующие содержательные параметры данного понятия: «Память в силу своей чувственной и магической природы уживается только с теми деталями, которые ей удобны. Она питается туманными, многоплановыми, глобальными и текучими, частичными или символическими воспоминаниями, она чувствительна ко всем трансферам, отображениям, запретам или проекциям. Память укоренена в конкретном, в пространстве, жесте, образе и объекте» [12; 20]. Поэтому инверсия традиционных меморативных топосов, какую мы находим в «Суходоле» – повествовании не о процветании и славе рода, но о его оскудении и вырождении, – вполне закономерна. Память подвержена манипуляциям и деформациям, актуализациям фрагментов прошлого и амнезии, но основная ее функция – инвестировать сакральное в историзирующееся общество.

Кульτ святых, их жизнеописание – тоже род *memoira*. Меркурий Смоленский – святой патрон суходольских господ, икона с его изображением – древнейшая семейная реликвия: «заветный образ дедушки... хранивший на оборотной стороне своей родословную Хрущевых, писанную под титулами» (221). Святой патрон не только брал на себя сакральную функцию небесного покровителя рода, но и выступал как «объект сословной, профессиональной самоидентификации ее членов». Вспомним, что Меркурий был княжеского рода и воин княжеской дружины, а братья Хрущевы принимали участие в Крымской кампании – войне 1853–1856 годов. Решающим же фактором выбора родства, как показывает изучение «Книг памяти» – средневековых памятников ли-

тургической *memoira*, «являются не реальные генеалогические связи, а сознание человека: с кем ощущает он себя в родстве – вопрос не крови, а самоидентификации» [2; 23]. Так, не по крови, а по личной привязанности, общности памяти и судьбы чувствует свое родство с родом Хрущевых Наталья. Ее Меркурий – фантазматический образ, сливающийся с мистическими переживаниями ночных кошмаров-видений: «Но оттого, что все угодники представлялись ей коричневыми и безглавыми, как Меркурий, делалось еще страшнее» (252).

Мотив декапитации как один из составляющих иконографического сюжета о святых-кефалофорах оказался востребован эпохой модерна в первую очередь благодаря сюжету о Саломее и Иоканаане, трактуемому в мистико-эротическом духе под знаком Эроса и Танатоса [10]. В близкое семантическое поле модернистское сознание помещало и миф об Орфее [17]. В контексте разговора о Меркурии Смоленском нельзя обойти вниманием живописные работы Н. К. Рериха: в 1910-е годы он работал по приглашению княгини М. К. Тенишевой в усадьбе Талашкино под Смоленском над росписью церкви и, познакомившись здесь с культом воина-мученика, воплотил образ святого-главноносца в нескольких живописных версиях – 1912 и 1918–1919 годов.

Напряженность визуального восприятия, колористический экспрессионизм, усиление работы перцептивных механизмов в целом, свойственные модернизму, затронули стилистику бунинской прозы. И «Суходол» не является исключением. Суходол рисуется как мифогенное пространство (ср. его описание при первом посещении молодыми Хрущевыми), эпизоды, связанные с перипетиями судьбы Натальи, душевной болезнью тети Тони, окрашены в «готические» тона, воспроизводится модель эсхатологического мифа, на что уже было обращено внимание [3].

Тема растраты и истощения энергии, как и всепоглощающей смерти, придает повествованию меланхолическую тональность: «А теперь уже и совсем пуста суходольская усадьба. Умерли все помянутые в этой летописи, все соседи, все сверстники их. <...> Стыдно сказать, а нельзя скрыть: могил... мы не знаем» (267).

Подвергая ревизии традиционные меморативные топосы, повествователь утверждает ценность индивидуальной памяти, а самым актом памяти/письма – возможность реконструкции времени и воссоздания в воображении картин прошлого: «Это не трудно, не трудно вообразить. Только надо помнить, что вот этот покосившийся золоченый крест в синем летнем небе и при них был тот же... что так же желтела, зрела рожа в полях, пустых и знойных, а здесь была тень, прохлада, кусты... и в кустах этих так же бродила, паслась вот такая же, как эта, старая

белая кляча с облезлой зеленоватой холкой и розовыми разбитыми копытами» (268).

Бунинский миф фиксирует разрушение родовой памяти и парадоксальным образом вызван к жизни именно этим процессом. Вместо родовой памяти в эпоху ее исчезновения актуализируются другие виды памяти – культурной, историче-

ской, национальной. Культурной памяти отдают определенную дань и сам Бунин, особенно в поэзии, что связывает этот пласт его творчества с акмеизмом. Однако в эмигрантский период родовая мемория будет вновь вызвана к жизни процессом воспоминания и окажется в центре романа «Жизнь Арсеньева».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бунин И. А. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М.: Правда, 1983. 592 с. Здесь и далее ссылки на это издание даются в круглых скобках.

² Современные публикации текста, а также изложение различных вариантов «Слова о св. Меркурии Смоленском» и их исторические интерпретации см. [9], [13], [14], [16].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверин Б. В. Жизнь Бунина и жизнь Арсеньева: Поэтика воспоминания // И. А. Бунин: Pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. С. 651–677.
2. Арнаутова Ю. Е. Мемория: Тотальный социальный феномен и объект исследования // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М.: Круг, 2003. С. 19–37.
3. Бригина О. Н. Антиномия «рая» и «ада» в повести-поэме И. А. Бунина «Суходол» // Образ рая: от мифа к утопии. Сер.: «Symposium». Вып. 31. СПб.: С.-Петерб. филос. об-во, 2003. С. 208–212.
4. Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник. СПб., 1891. Ч. 1. 808 с.
5. Есаулов И. А. Проблема визуальной доминанты русской словесности // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 2. Петрозаводск, 1998. С. 42–54.
6. Есаулов И. А. Экфрасис в русской литературе нового времени: картина и икона // Экфрасис в русской литературе. Труды Лозаннского симпозиума. М., 2002. С. 167–179.
7. Лепахин В. Икона в русской художественной литературе. М.: Отчий дом, 2002. 735 с.
8. Лепахин В. Воинство в древнерусской литературе и иконописи. Ч. 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/299.htm>
9. Матич О. Покровы Саломеи: Эрос, смерть и история // Эротизм без берегов: Сб. статей и материалов / Сост. М. М. Павлова. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 90–121.
10. Меднис Н. Е. «Религиозный экфрасис» в русской литературе // Критика и семиотика. Вып. 10. Новосибирск, 2006. С. 58–67.
11. Нора П., Озуф Ж. де, Винок М. Проблематика мест памяти // Франция – память. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17–50.
12. Плеханова М. Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб.: Акрополь, 1995. 343 с.
13. Ранчин А. М. Слово о св. Меркурии Смоленском [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37354.php>.
14. Рышков В. В. Рядом с Буниным / Публ. М. Г. Богомоловой // Москва. 2003. № 12. С. 161–185.
15. Святые русские римляне Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский / Подг. текстов и исследование Н. В. Рамазановой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 392 с.
16. Силард Л. «Орфей растерзанный» и наследие орфизма // Силард Л. Герметизм и герменевтика. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. С. 54–101.
17. Созина Е. К. Сознание и письмо в русской литературе. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 552 с.
18. Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1977.
19. Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М.: Московский рабочий, 1991. 269 с.
20. Нап А. Заметки к проблеме симультанизма в поэзии и живописи // Russian Literature. 2004. Vol. LVI. P. 121–168.

Gryakalova N. Yu., Institute of Russian Literature (Pushkinsky Dom) of RAS (St. Petersburg, Russian Federation)

NARRATIVE'S ALLEGORY (ON ICONOGRAPHIC MOTIF IN I. A. BUNIN'S *SUHODOL*)

The article deals with the iconographic motif and its transformation in the structure of the fictional text. The icon of St. martyr Mercurius of Smolensk is a visual and semantic dominant in I. Bunin's story *Suhodol*. The version of Bunin's realism is an integrating ability of memory, which determines both the non-linear character of narration and its fragmentation. The art of memory (ars memoria) turns into a conceptual status and acts as a strategy of view/writing.

Key words: narrative, memory, ekphrasis, iconicity, visibility

REFERENCES

1. Aверин B. B. Bunin's life and Arseniev's life: Poetics of memories [Zhizn' Bunina i zhizn' Arsen'eva: Poetika vospominaniya]. I. A. Bunin: Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Ivana Bunina v otsenke russkikh i zarubezhnykh mysliteley i issledovateley. Antologiya [I. A. Bunin: Pro et contra. The personality and creativity of Ivan Bunin in the evaluation of Russian and foreign thinkers and researchers. Anthology]. St. Petersburg, RHGI Publishing House, 2001. P. 651–677.
2. Арнаутова Ю. Е. Memoria: Total Social Phenomenon and Object of Research [Memoria: Total'nyy sotsial'nyy fenomen i ob'ekt issledovaniya]. Obrazy proshlogo i kollektivnaya identichnost' v Evrope do nachala Novogo vremeni [Images of the Past and Collective Identity in Europe before the Beginning of a New Time]. Moscow, Krug Publ., 2003. P. 19–37.

3. Brygina O. N. Antinomy “paradise” and “hell” in I. Bunin’s story-poem “Suhodol” [Antinomiya “raja” i “ada” v povesti-poeme I. A. Bunina “Sukhodol”]. *Obraz raya: ot mifa k utopii* [Image of Paradise: From Myth to Utopia]. Iss. 31. St. Petersburg, 2003. P. 208–212.
4. Dobrowol’skiy V. N. *Smolenskiy etnograficheskiy sbornik* [Smolensky ethnographic collection]. St. Petersburg, 1891. Part 1. 808 p.
5. Esaulov I. A. Problem of Visual Dominant of Russian literature [Problema vizual’noy dominanty russkoy slovesnosti]. *Evangel’skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: Tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [Evangelical Text in Russian Literature of XVIII–XX centuries: Quote, Reminiscence, Motive, Plot, Genre]. Iss. 2. Petrozavodsk, 1998. P. 42–54.
6. Esaulov I. Ekfrasis in Russian Literature of New Time: Painting and Icon [Ekfrasis v russkoy literature novogo vremeni: kartina i ikona]. *Ekfrasis v russkoy literature. Trudy Lozannskogo simpoziuma* [Ekfrasis in Russian Literature. Proceedings of the Symposium, Lausanne]. Moscow, 2002. P. 167–179.
7. Lepakhin V. *Ikona v russkoy khudozhestvennoy literature* [Icon in Russian Literature]. Moscow, The Paternal House Publ., 2002. 735 p.
8. Lepakhin V. *Voinstvo v drevnerusskoy literature i ikonopisi* [The Old Army in Medieval Russian Literature and Iconography]. Part 2. Available at: // <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/299.htm>
9. Matich O. Veils of Salome: Eros, Death and History [Pokrovy Salomei: Eros, smert’ i istoriya]. *Erotizm bez beregov: Sb. statey i materialov* [Eroticism without banks. Articles and materials] / Compl. M. M. Pavlova. Moscow, New Literary Review Publ., 2004. P. 90–121.
10. Mednis N. E. “Religious ekfrasis” in Russian Literature [“Religioznyy ekfrasis” v russkoy literature]. *Kritika i semiotika* [Criticism and Semiotics]. Iss. 10. Novosibirsk, 2006. P. 58–67.
11. Nora P., Ozuf Zh. de, Winok M. Problems of Places of Memory [Problematika mest pamyati]. *Frantsiya – pamyat’* [France-Memory]. St. Peterburg, St. Peterb. Univ. Publ., 1999. P. 17–50.
12. Plyukhanova M. B. *Syuzhety i simvol’y Moskovskogo tsarstva* [Plots and Symbols of Moscow State]. St. Petersburg, Acropolis Publ., 1995. 343 p.
13. Ranchin A. M. *Slovo o sv. Merkurii Smolenskom* [Word about St. Mercury Smolenski]. Available at: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37354.php>
14. Ryshkov V. V. *Ryadom s Buninym* [Near Bunin] / Publish. M. G. Bogomolovoy. Moscow, 2003. № 12. P. 161–185.
15. *Svyatye russkie rimlyane Antoniy Rimlyanin i Merkurii Smolenskiy* [Saint Russian Romans, Anthony the Roman, and Mercury of Smolensk] / Publ. and study of N. Ramazanova. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2005. 392 p.
16. Silard L. “Orpheus tormented” and Orphism Heritage [“Orfey rasterzanny” i nasledie orfizma]. *Silard L. Germetizm i germeneytika* [Hermeticism and Hermeneutics]. St. Petersburg, Ivan Limbah Publ., 2002. P. 54–101.
17. Sozina E. K. *Soznanie i pis’mo v russkoy literature* [Consciousness and Writing in Russian Literature]. Ekaterinburg, Ural. Univ. Publ., 2001. 552 p.
18. *Ustami Buninykh: Dnevniky Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny i drugie arkhivnye materialy* [Through Buniny: The Diaries of Ivan Alekseevich and Vera Nikolaevna and other archival materials]: In 3 vol. / Ed. M. Gren. Frankfurt am Main, Seeding Publ., 1977.
19. Fedotov G. P. *Svyatye Drevney Rusi* [The Saints of Ancient Russia]. Moscow, 1991. 269 p.
20. Han A. Notes on the Poetry and Painting Simultaneism [Zametki k probleme simul’tanizma v poezii i zhivopisi]. *Russian Literature*. 2004. Vol. LVI. P. 121–168.

Поступила в редакцию 07.04.2014